

ИЗ ФРОНТОВОЙ ЖИЗНИ

А. ДОВЖЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
1942

ОТСТУПНИК

Есть в жизни каждого народа времена, когда никому ничто не прощается, когда всякое добро или зло, содеянное человеком, падает на незримые чаши тончайших весов истории. Это тяжелые времена испытаний, когда народу угрожает разорение, рабство и смерть.

И счастлив тот, кто, пере́неся народное горе и потрудившись немало и немало пролив крови на полях сражений, может потом уже сказать себе и миру, что в самую страшную годину не было у него зерна неправды за душою.

Но горе тому, кто по злобе, ничтожеству, по малости души своей поддастся в роковую минуту слабодушия своим низменным инстинктам и бросит товарищей своих и народ свой во имя мнимого спасения личной жизни, во имя лживых обещаний врага.

Долго и не один раз проклянет он в холодных объятиях врага свое слабодушие, но уже никогда не вернуть ему чистоты своей, не вернуть ему товарищей, не вернуть ему родины.

Отвернется от него гневная отчизна и забудет его и отряхнет его, как жалкий прах, от своих ног. И погибнет отступник, оплакивая день и час своего позорного падения.

Забудет его мать, забудет отец. Переменят фамилию его братья и дети. И пропал человек, пропал бесследно и позорно для всего и всех на веки вечные.

Вот этого не знал боец Мефодий. Фамилию его мы не напишем. Назовем его Отступник.

— Довольно... — мрачно подумал он как-то в заставе и оглянулся по сторонам.

— Что ж это я оглядываюсь, как вор. Я ведь еще ничего не подумал, — прошептал он тихо и прислушался. Черная мысль заползла в него, как гадина...

— Нет, я подумал. Я уже давно... Ну, и что же... Ну, и уйду. Старики-то мои дома, у немцев остались, плачут по мне, а тут жизнь на волоске ежедневно... Довольно.

Мефодий еще раз оглянулся и украдкой прочитал немецкую листовку.

— Ну, конечно, ждут. Тут же ясно сказано... Ну, а товарищи? А, черт их заберит...

Винтовка брошена. Согнувшись в три погибели, побежал с оглядкой вора вперед. Руки вверх.

— Гальт.

— Я ваш. Не стреляйте, ваш. Вот пропуск...

Скомканная бумажка выпала из дрожащих рук Отступника в грязь.

• • •

На другой день избитый до полусмерти, с огромным синяком под правым глазом, Мефодий Отступник стоял перед немецким лейтенантом в гестапо.

— За что меня ваши солдаты били? За что? — спросил Мефодий и плюнул кровью.

— Солдат только отвечает на вопросы, а не спрашивает, — строго сказал лейтенант и стал рассматривать «личное дело» персбежчика Мефодия Отступника.

— Ты побит, повидимому, первый раз в жизни, поэтому ты так возбужден. Ничего. У нас это пройдет скоро. Тебя били потому, что ты мало сообщил. А хорошее битье расслабляет. Понял. Мы тебя так били, чтобы ты был мягким и послушным. Ты будешь нашим маленьким шпионом, понял? Завтра ты отправишься...

Отступник понял, что он погиб.

— Я не хочу. Я не пойду. Убивайте меня,— закричал Мефодий и схватился за голову. Он решил, что немцы собираются послать его шпионить в Красную Армию.

— Нет, пока не в армию, не бойся,— усмехнулся лейтенант, разгадав его мысли.

— Ты поедешь к себе домой, как сказано в листовке, к папе и матушке. Там ты отдохнешь от ужасов войны и будешь работать на нас. Узнаешь, где действуют местные партизаны,— выдашь их нам. Имей в виду, мы тебе не верим, так как ты предал своих. Ты предатель, значит, тебе придется много и долго стараться заработать наше доверие. Понял? Благодарю. Можешь идти. Стой! Что нужно сказать? Хайль Гитлер. Ну! — Офицер встал.

— Хайль Гитлер,— пролепетал Отступник и, шатаясь, повернулся к двери.

— Гальт! Еще раз,— офицер подошел к Отступнику и поднял кулак.

— Хайль Гитлер,— крикнул Отступник.

— Кругом. Прямо. Я тебя научу ходить, скотина, русише швайн,— рассердился лейтенант.

Мефодий вышел в сени по всем правилам немецкой науки. В сенях стояла несчастная хозяйка хаты и смотрела на негр с невыразимой укоризной. Ее измученные, скорбные глаза, казалось, говорили ему:

— Чтоб тебя, проклятый, сыра земля не приняла.

* * *

Однако на другой день ему не удалось уехать в деревню к отцу и матери. Долго держали его немцы в холодном карцере вместе с пятнадцатью пленными, где ему пришлось самому притвориться пленным, чтобы не быть разорванным бойцами. Долго еще водили его заполнять анкеты, фотографироваться, долго еще допрашивали. Вывели у него все, о чем говорили военнопленные бойцы, и расстреляли всех 15 человек.

Наконец, в один из ясных весенних вечеров немецкие конвоиры выбросили его из теплушки на знакомой полуразрушенной станции. До родного местечка осталось совсем близко, километров двенадцать. «Ну, наконец-то, я дома. Побили немного — забудется. А шпионаж? Какой там дома шпионаж! Разговоры одни. Такая глушь...» — успокаивал себя в сотый раз Отступник.

Все же беспокойство не покидало его. Наоборот, с каждым километром пути оно возрастало в нем и давило его днем и ночью. Многое увидел он уже из теплушки. Он видел, как увозилось в Германию все, что можно было увезти. Но и это было еще не все. В Германию уходили эшелоны с советскими людьми, с молодыми невольниками и невольницами. Не одну ночь слышал он душераздирающий плач в соседних эшелонах на разных станциях.

Вот еще один эшелон движется со станции. Крики и плач на путях... Вот разгоняют резиновыми палками бедных матерей. Отступник бросился к эшелону.

— Мефодий, Мефодий, спаси нас.

Оглянулся — жена и сестра.

— Родные!

Отступник бросился за уходящим вагоном. Кто-то ударил его резиновой палкой по затылку. Поплыл эшелон перед глазами. Уплыли на запад в немецкие дома терпимости сестра и жена. Промелькнули и исчезли навсегда, словно приснились они ему.

И не бросился вслед за ними Отступник, не разгневалось его сердце, не вспыхнула в нем злоба к врагам. Битый, дал он часовым проверить документы и, получивши пару подзатыльников, молча, согнувшись, обошел станцию, вышел на дорогу и побежал домой, как проклятый.

— Я ошибся, я ошибся. Это не они. Не они, не они. Не жена, не сестра, — стонал Отступник в такт своему бегу и оглядывался в жалком отчаянии на темные непаханные поля. Настала ночь.

* * *

— Кто там? Кто стучит?

— Откройте... Я... Мефодий...

— Сынок! Боже мой! Значит, правда?

Мать не упала на грудь Отступника, не прижалась к нему. Она залилась горькими слезами, отвернувшись от сына.

— Откуда прибыл, защитник наш? Откуда прилетела единственная наша надежда? — слышался знакомый голос отца. Отец смотрел на вопедшего, грозный гнев обуял его старое, измученное сердце.

— Из армии, — сказал Отступник. — Здравствуй, отец.

— Подожди здороваться. Где армия?

Отступник оглядел комнату. В потемках он различил человек шесть знакомых. Они смотрели на него недобрыми глазами. Что ж это такое?

— Где Красная Армия? Скажи, защитник наш, — спросил отец.

— Там.

— Попался в плен?

— Да. Схватили в бою.

— Раненый? Где раны?

— Зажили.

— Врешь. Верные люди сказали мне все — здесь уже наведены справки о перебежчике Мефодии. Уже две недели не выхожу я из дома от стыда. Все думаю, действительно ли породили мы Иуду, — сказал отец, и каждое слово его падало на Отступника камнем. Он молчал.

— Подойди сюда. Дай мне ближе увидеть твой позор.

Убежать... Нет... Дверь закрыта, и у двери уже двое. Отступник содрогнулся и обессилел. Воцарилась жуткая тишина. Журился сверчок под печкой да несчастливая мать тихо оплакивала в сенях своего старшего сына. «Все известно и все решено», — содрогнулся Отступник.

— Ну, что ж, товарищи. Помогите совершить за-

кон, — как бы в ответ мыслям Мефодия сказал отец, обращаясь к присутствующим, и тяжело вздохнул. — Говорить нечего, и время не ждет.

Отец поднялся и подошел к Отступнику.

— Проклинаю изменника и предателя родины, моего сына Мефодия, — задрожал в темноте голос старика.

В сенях усилился скорбный материнский плач.

— Мать, прокляни своего сына! — сказал отец.

Голос его звучал в темноте глухо, как осенний гром. На мгновение стало тихо, как всегда перед чем-то необычайным и грозным.

Вдруг высокий материнский плач разодрал ночную тишину. Мать стояла на пороге. Ее голос, вся ее измученная материнская душа словно утопала в тоске и страдании. Но гнев поборол страдание.

— Проклинаю и отрекаюсь! — вырвались из плача материнские слова. — Унеси тебя из хаты дымом, со двора ветром, из души вечным проклятием!.. Прости, люди добрые!..

Мать открыла дверь настежь и застыла. Она стала каменной.

— Пора, — сказал отец, — сам ты предался врагу, сам и умри. На площади висят четыре партизана. Там и твой брат. Никита.. Никиту снимешь с петли и вешайся в присутствии народного суда. Пойдем...

Но не судилось Отступнику такое скорое счастье. В невыносимых душевных муках, ведомый под руки неумолимыми судьями, добрался он в темную ночь до виселицы. Уже снял он труп несчастного мальчика Никиты, уже поднялся он было к петле среди грозного молчания, но в самую последнюю секунду не выдержала его ничтожная душа, и вдруг все уснувшее поработенное село огласилось его нечеловеческим криком.

Загремели выстрелы. Бросились к виселице немцы, ожидавшие событий в эту ночь. Они знали о приходе Отступника. Но не дрогнули партизаны.

Долго и страшно бились они с порабитителями, многих убили, остальных обратили в бегство.

Тут и попробовал было Отступник вырваться из отцовских объятий. Уже занес было над отцом свою предательскую руку, но сильный партизанский удар по затылку опрокинул его и лишил сознания.

Очнулся Отступник лишь утром в лесу, на горе, за яром. Оглянулся — партизаны. Отец и мать были тут же. Брат Никита лежал у дерева с широко раскрытыми серыми глазами, словно удивляясь своей ранней смерти. Страшный след немецкой петли застыл на его раскрытой шее.

— Встать! — приказал партизан.

Отступник встал.

Он смотрел на отца, мать и брата, и холодный, предсмертный пот покрыл его дрожавшее тело.

Партизаны подняли оружие.

— Я сам... — Отец подошел к нему с немецкой винтовкой. Отступник покатился в яр с пробитым черепом. Долго стоял отец в горестном раздумьи. Потом похоронили Никиту.

— Прощайте, товарищи. Уходите из этого страшного места и будьте счастливы. И мы пойдем со старухой...

Ушли старики, унесли на старческих своих плечах огромное бремя печали.

Ушли и партизаны в леса. А в глубоком яру остался догнывать непринятый землей Отступник.

Всходило солнце...

Юго-Западный фронт.

Цена 5 коп.

А 61449.	Издательство «ПРАВДА».	Зак 2241.
Подписано к печати 7/VIII 1942 г.		Тираж 1 000 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.